

Беляев А. Д. Истинное христианство и гуманизм: [По поводу реферата Вл. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового миросозерцания»] // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 3. С. 397–430 (2-я пагин.). (Окончание.)

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

(Окончаніе).

Сближаясь съ графомъ Толстымъ въ сужденіяхъ о недостаткахъ христіанства прошедшихъ вѣковъ, г. Соловьевъ раздѣляетъ и его мечты о будущемъ христіанствѣ. Графъ Толстой призналъ доселѣшнее церковное христіанство полужыческимъ, неевангельскимъ, слишкомъ мірскимъ, преисполненнымъ догматизма, но лишеннымъ высокой евангельской морали: г. Соловьевъ призналъ его тоже полужыческимъ, неистиннымъ, исполненнымъ односторонняго и нетерпимаго догматизма. Графъ Толстой полагаетъ, что Церковь окончила свое дѣло, теперь стала не нужна, „отсохла“, вся ея жизнь перелилась въ міръ: г. Соловьевъ такъ не выражается, однако и онъ утверждаетъ, что доселѣшнее неистинное христіанство кончаетъ свой вѣкъ и должно уступить мѣсто истинному христіанству. Такимъ образомъ оба они въ настоящей эпохѣ видятъ коренной переворотъ въ духовной жизни христіанскаго человѣка, — переворотъ отъ худшаго къ лучшему. Оба они главными дѣятелями въ этомъ переворотѣ признаютъ невѣрующихъ въ Бога и Христа, но одаренныхъ особою благодатію—по мнѣнію г. Соловьева, принимающихъ малую долю ученія Христа — по сужденію графа Толстаго. И тотъ и другой возлагаютъ живѣйшія надежды на будущее христіанство, нарождающееся будто-бы въ настоящее время, и прямо противопоставляютъ его христіанству отжившему или отживающему, какъ религію несравненно болѣе совершенную менѣе совершенной, какъ религію истинную религіи извращенной, какъ живую и живо-

творящую омертвившей и омертвѣвшей. А именно, графъ Толстой сравниваетъ жизнь доселѣшняго христіанскаго міра съ жизнію утробнаго младенца, а наступающую жизнь съ жизнію новорожденнаго; та была жизнь полухристіанская и полубезсознательная, а теперь нарождается жизнь чисто-христіанская; доселѣ христіанство было церковное, т. е., по миѣнію Толстаго, только полубезсознательное, а по другимъ его выраженіямъ, даже и совсѣмъ несвангельское, полуязыческое, мірское, а отселѣ люди будутъ черпать истинное ученіе и истинную жизнь прямо изъ Евангелія. И это должно произойти съ такою же неизбѣжностію, съ какою поворожденный младенецъ питается чрезъ ротъ и легкія, а не чрезъ пуповину; и какъ не возможно и безумно заставить поворожденнаго питаться чрезъ пуповину: столь-же безразсудно теперешній поворожденный міръ принудить воспринимать ученіе и жизнь у Церкви, а не прямо изъ Евангелія. Подобнымъ образомъ и г. Соловьевъ будущее христіанство называетъ истиннымъ, живымъ, общественнымъ, универсальнымъ, не отрицающимъ, а перерождающимъ человѣческую и природную жизнь, тогда какъ доселѣшнее христіанство этихъ свойствъ будто бы не имѣло, или по крайней мѣрѣ они не обпаруживались и не имѣли силы.

Въ общемъ выводѣ и графъ Толстой и г. Соловьевъ провидятъ въ близкомъ будущемъ наступленіе золотого вѣка для христіанства и христіанскихъ народовъ.

Эти розовыя ожиданія понятны въ людяхъ, недовольныхъ ни прошедшимъ, ни настоящимъ. Какъ надежды и мечты они вполне безвредны и невинны. Но графъ Толстой и г. Соловьевъ не только не считаютъ ихъ мечтами, но и не относятъ ихъ осуществленіе къ области возможностей или вѣроятностей, а имѣютъ твердую увѣренность, что въ ближайшемъ будущемъ христіанство таково и будетъ, какого они желаютъ.

Въ пессимистическія эпохи, подобныя настоящей, люди вообще склонны или вздыхать о прошедшемъ, называя его „добрымъ старымъ временемъ“, или мечтать о будущемъ, которое они представляютъ себѣ свободнымъ отъ тягости и золь современной жизни. Но приходитъ желанное будущее и приноситъ рядъ разочарованій мечтателямъ. Жизнь

измѣняется, но зло и бѣдствія остаются, мѣняются только по наружности.

Свои мечты о будущемъ христіанствѣ графъ Толстой выражаетъ такъ: „Теперь настало время, что Церковь отжила, и міръ не имѣетъ никакого объясненія своей новой жизни, и не можетъ не чувствовать своей безпомощности, а потому и не можетъ теперь не принять ученія Христа... Ученіе Христа не можетъ не быть принято людьми не потому, что нельзя отрицать то метафизическое объясненіе жизни, которое оно даетъ (отрицать все можно), но потому, что только оно одно даетъ тѣ правила жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить челоувѣчество, не жилъ и не можетъ жить ни одинъ челоувѣкъ, если онъ хочетъ жить, какъ челоувѣкъ, т. е., разумною жизнью.

Сила ученія Христа не въ его объясненіи смысла жизни, а въ томъ, что вытекаетъ изъ него — въ ученіи о жизни. Метафизическое ученіе Христа — не новое. Это все одно и то же ученіе челоувѣческое, которое написано въ сердцахъ людей и которое проповѣдуютъ всѣ истинные мудрецы міра. Но сила ученія Христа въ приложеніи этого метафизическаго ученія къ жизни...

Ученіе Христа не спорить съ людьми нашего міра объ ихъ міросозерцаніи, оно впередь соглашается съ нимъ и, включая его въ себя, даетъ имъ то, что имъ необходимо и чего они ищутъ: оно даетъ имъ путь жизни, и притомъ не новый, а давно знакомый и родной имъ всѣмъ“¹⁾.

Далѣе графъ Толстой частнѣе разъясняетъ, что ученіе Христа можетъ принять, не поступаясь своими доктринами, христіанинъ всякаго толка, невѣрующій философъ, средній челоувѣкъ — индифферентистъ.

Изъ другихъ мѣстъ книги и изъ всего вообще богословскаго ученія графа Толстаго видно, что путемъ жизни онъ называетъ нравственныя заповѣди, которыя Иисусъ Христосъ раскрылъ въ нагорной проповѣди и которыхъ Толстой насчитываетъ пять: 1) Живи въ мирѣ со всѣми; 2) не любодѣйствуй; 3) не клянись; 4) не протився злу или злomu; 5) никого не считай своимъ врагомъ, всѣхъ признавай своими братьями²⁾. Въ 5 и 6-й гл. Толстой подробно и своеобразно

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра. Стр. 209—212.

²⁾ Тамъ же. Гл. 5 и 6, стр. 46—98.

истолковываетъ эти заповѣди; но формулируетъ ихъ на стр. 97 и 98 довольно спутанно. А въ остальныхъ главахъ съ 7 по 12, до самаго конца книги, онъ съ талантомъ и въ яркихъ краскахъ изображаетъ великое значеніе этихъ заповѣдей для жизни и необходимости исполненія ихъ, чтобы жить истинно человѣчною и истинно счастливою жизнію. Тѣмъ не менѣе увѣренность Толстаго, что эти заповѣди отнынѣ всѣми людьми будутъ приняты, и всѣ люди будутъ исполнять ихъ — только прекрасная мечта. Безспорно, чѣмъ меньше требованій и чѣмъ общѣе они, тѣмъ большее число людей можетъ подписаться подъ ними, предполагая, разумѣется, что эти требованія истинны и согласны съ человѣческой природой. Графъ Толстой, сводя христіанство къ одной морали и всю христіанскую этику включая въ пять краткихъ заповѣдей, надѣется этимъ способомъ объединить не только христіанъ всѣхъ исповѣданій и сектъ, но и равнодушныхъ къ религіи и даже невѣрующихъ. Но мы не думаемъ, чтобы такое „универсальное“ христіанство могло осуществиться даже и на столь общедоступной и общепріемлемой почвѣ, какую представляютъ пять вышеприведенныхъ заповѣдей Христа.

По мнѣнію графа Толстаго міръ не можетъ теперь не принять ученія Христа потому, что онъ не имѣетъ никакого объясненія своей новой жизни и не можетъ не чувствовать своей безпомощности. — Но развѣ скудные духомъ чувствуютъ свою безпомощность? Очень рѣдко, а если и чувствуютъ, то по самолюбію и гордости не признаются въ этомъ. Требуется высокое совершенство, котораго достигаютъ весьма немногіе, чтобы человѣкъ самъ признался въ своемъ духовномъ ничтожествѣ.

По мысли графа Толстаго, люди нашего времени неизбежно должны обратиться къ ученію Христа, потому что только оно одно даетъ тѣ правила, безъ которыхъ человѣкъ и человѣчество жить не могутъ, т. е., жить разумною жизнію. Дѣйствительно, пѣкогда Симонъ Петръ сказалъ Христу: *Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни* (Іоан. 6, 68). Но почему графъ Толстой полагаетъ, что въ настоящее время всѣ люди, подобно Апостолу Петру, сознаютъ необходимость разумной,

истинной жизни и что они станут искать ее именно въ ученіи Христа? Повидимому, онъ склоненъ думать, что теперь весь міръ переживаетъ то, что онъ самъ пережилъ въ послѣдніе годы. А на самомъ дѣлѣ очень немногіе чувствуютъ потребность въ осмысленіи своей жизни. Масса живетъ такъ, какъ жилали наши дѣды и отцы, какъ живутъ всѣ.

Но и относительно тѣхъ, которые жаждутъ разумной жизни, можно-ли быть увѣреннымъ, что всѣ они будутъ утолять эту жажду евангельскимъ ученіемъ? Развѣ у нихъ нѣтъ своего разума, измышленіямъ котораго, хотя бы они имѣли только призракъ истины, люди охотнѣе слѣдуютъ, чѣмъ чуждому авторитету, даже Божественному? Развѣ въ наше время, какъ и всегда, нѣтъ философовъ и лжефилософовъ, ученыхъ и лжеученыхъ, предъ авторитетомъ и сомнительною мудростію и ученостію которыхъ люди преклоняются больше, чѣмъ предъ испытанною мудростію древнихъ мудрецовъ и божественною мудростію Самого Иисуса Христа? Что касается до самихъ ученыхъ и философовъ, то это только одна фантазія, будто даже невѣрующіе изъ нихъ примутъ ученіе Христа. Опять-таки здѣсь графъ Толстой примѣняетъ свою личную точку зрѣнія ко всѣмъ людямъ. Онъ пантеистъ и въ то же время принимаетъ и даже горячо проповѣдуетъ ученіе Христа. Въ исторіи философіи—это не первый примѣръ: Шеллингъ, Гегель, Шлейермахеръ, сдѣлали опыты соединенія своихъ пантеистическихъ философемъ съ христіанствомъ. Но эти опыты оказались неудачными и не могли имѣть прочнаго успѣха, потому что нельзя соединять въ одно разнородное, — пантеизмъ съ вѣрой въ личнаго Бога. Приходилось жертвовать то философіей въ пользу христіанскаго ученія, то этимъ послѣднимъ въ пользу философіи, а отъ этого страдали цѣльность и философіи и христіанства... Эти мыслители были и христіане и нехристіане, хромали на оба колѣна. А ихъ послѣдователи, какъ и нужно было ожидать, предпочитали хромать на одно колѣно, т. е., рѣшительно переходили на сторону пантеизма, или же, болѣе счастливые, исцѣлялись отъ хромоты и принимали церковное христіанство. То же будетъ и съ „толстовцами“: одни изъ нихъ окончательно перейдутъ къ вѣрѣ, а другіе сдѣлаются невѣрующими. Самъ же Толстой

гораздо болѣе Шеллинга и Гегеля и самымъ жалкимъ образомъ хромаеть на обѣ ноги. Онъ — пантеистъ и не признаеть Христа Богочеловѣкомъ и Сыномъ Божиимъ, а между тѣмъ Его ученіе признаеть вѣчнымъ и безусловно-истиннымъ, какъ будто простой человѣкъ, хотя бы онъ былъ и величайшимъ мудрецомъ, можетъ избѣжать ошибокъ. Онъ ревностный поклонникъ Христа, убѣжденный и пламенный глашатай Его ученія, и въ то же время съ свойственнымъ только русскимъ барамъ-крѣпостникамъ да русскимъ купцамъ произволомъ („нашему ндраву не препятствуй“) выкраиваетъ изъ евангелія Христа свое „Толстовское“ евангеліе. Нечего и говорить о томъ, какъ мало „Толстовское“ евангеліе похоже на Евангеліе Христа. Такимъ образомъ самъ Толстой представляетъ живѣйшій образецъ того, какъ трудно, а лучше сказать, невозможно полувѣрующему или неправовѣрующему философу принять *все* и *цѣльное* ученіе Христа. О невѣрующихъ же философахъ и говорить нечего. Не слѣдуетъ забывать, что Шеллингъ, Гегель, Шлейермахеръ и Толстой въ области философіи составляютъ исключеніе, оказывая нѣкоторую милость Евангелію и христіанству въ своихъ попыткахъ согласовать съ ними свое міросозерцаніе. А другіе философы, хотя и были христіанами по происхожденію, мало думали о томъ, согласно-ли ихъ ученіе съ Евангеліемъ, или даже относились къ послѣднему непріязненно и враждебно; разумѣемъ не матеріалистовъ и атеистовъ, — о нихъ и говорить нечего, — а пантеистовъ, деистовъ, позитивистовъ и современныхъ эволюціонистовъ и пессимистовъ.

О томъ-то я и говорю, скажетъ графъ Толстой, что для примиренія съ христіанствомъ и привлеченія къ нему всѣхъ этихъ и многихъ иныхъ разномыслящихъ людей нужно устранить, или сдѣлать безразличнымъ догматическое ученіе Христа, — кто желаетъ, пусть принимаетъ его, а кому оно не нравится или не кажется важнымъ, тотъ можетъ отвергнуть его, — и сущность христіанства положить только въ нравственномъ ученіи Христа, именно, въ пяти вышеприведенныхъ заповѣдяхъ. Кто приметъ и будетъ исполнять эти заповѣди, тотъ и будетъ истинный христіанинъ, хотя бы онъ при этомъ не вѣровалъ въ Бога, въ Св. Троицу, въ Божество Іисуса Христа, въ искупленіе Имъ чловѣче-

скаго рода, въ таинства и благодать, въ воскресеніе мертвыхъ для вѣчной жизни, и вообще въ своей вѣрѣ и міросозерцаніи былъ чѣмъ угодно: скептикомъ, материалистомъ, атеистомъ и т. п.

Но спрашивается, кто же уполномочилъ графа, или какое разумное основаніе имѣетъ онъ одни пункты въ ученіи Христа признавать безусловно важными, общеобязательными и для жизни совершенно необходимыми, а другіе неважными, безразличными бесполезными, даже вредными ¹⁾? Онъ даже прямо отвергаетъ то, что Самъ Иисусъ Христосъ ясно призналъ очень важнымъ и безусловно необходимымъ. Напр., ни графъ Толстой, ни всѣ невѣрующіе и лжевѣрующіе философы и ученые не вѣрятъ въ благодать и таинства не принимаютъ. А между тѣмъ Иисусъ Христосъ необходимымъ условіемъ вступленія въ царствіе Божіе поставляетъ рожденіе свыше, которое совершается чрезъ крещеніе. *Если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія. Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 3. 5), сказалъ Иисусъ Христосъ Никодиму. *Идите, повелѣлъ Онъ ученикамъ, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ Вамъ* (Мѡ. 28, 19—20). Или, по изложенію другаго Евангелиста: *идите по всему міру, и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ.* (Мар. 16, 15. 16). Графъ Толстой, горячо и не безплодно убѣждая другихъ исполнять заповѣди Христа, самъ отвергаетъ первоосновную Его заповѣдь. Не говоримъ не исполняетъ: и многіе другіе по слабости человѣческой часто сами не исполняютъ того, чему поучаютъ другихъ; но онъ отрицаетъ заповѣдь Христа о крещеніи въ принципѣ, по духу своего міросозерцанія. Отрицаніе ея онъ не можетъ оправдать даже ссылкой на основное начало своего богословія, что въ ученіи Христа важна не метафизическая сторона, не объясненіе ученія о жизни, а важно нравоученіе или самое ученіе о

1) Напр., ученіе о благодати онъ считаетъ вреднымъ для нравственной жизни, расслабляющимъ энергію воли, располагающимъ къ безпечности.

жизни; потому что заповѣдь о крещеніи есть ученіе о жизни, о рожденіи въ новую, истинно-духовную жизнь. Если онъ отрицаетъ заповѣдь о крещеніи потому, что сущность ея не понятна разуму и потому неудобоприемлема, что возрождающая сила крещенія есть непостижимая тайна, то напередъ нужно бы доказать, что истинная религія не должна имѣть, и дѣйствительно не имѣетъ, никакихъ тайнъ, непостижимыхъ для человѣческаго разума; но Толстой этого не доказалъ и не можетъ доказать. И какая же религія можетъ быть безъ тайнъ? Только тотъ имѣетъ религію, кто вѣруетъ въ Бога, а Богъ — непостижимая для разума тайна. Послѣдователю Христа не только нельзя отвергать заповѣдь о крещеніи, но нельзя даже признать ее неважной, нельзя напр. поставить ее ниже тѣхъ пяти заповѣдей, въ которыхъ, по мнѣнію графа Толстаго, содержится вся сила ученія Христа; потому что самая рѣчь, въ которой она выражена, показываетъ, какую великую, лучше сказать, величайшую, исключительную важность придавалъ Иисусъ Христосъ крещенію. Оно совершенно необходимо для того, чтобы сдѣлаться христіаниномъ, чтобы начать новую жизнь, жизнь духовную, жизнь во Христѣ. Принятіе его столь же необходимо, какъ принятіе Евангелія, какъ вѣра во Христа, какъ исполненіе всего, что заповѣдано Христомъ, и потому оно для всѣхъ обязательно и необходимо.

Отвергая совершенно произвольно эту заповѣдь Христа, равно какъ и многіе другіе важнѣйшіе догматы, проповѣданные Христомъ, графъ Толстой тѣмъ самымъ подкапывается подъ авторитетъ Христа и Евангелія и подрываетъ свою собственную проповѣдь о евангельской морали, заключающейся будто-бы въ пяти заповѣдяхъ, о жизни во Христѣ, противоположной жизни міра. Какъ онъ не замѣчаетъ, что онъ одной рукой созидаетъ, а другой свое же дѣло разрушаетъ? Чѣмъ и какъ убѣдить онъ своихъ послѣдователей въ безусловной истинности и необходимости для жизни человѣка этихъ пяти заповѣдей Христа, когда другія, то же важныя, заповѣди и ученія Христа онъ отвергаетъ, или извращаетъ, или признаетъ ненужными для жизни?

Свои надежды на принятіе всѣми людьми этихъ пяти заповѣдей или правилъ жизни графъ Толстой основываетъ на томъ, что безъ нихъ нельзя жить разумною жизнью,

что они только одни и даютъ путь жизни, и притомъ не новый, а давно знакомый и родной всѣмъ людямъ. Это прекрасно сказано. Но родственны, знакомы и являются важными они для какой природы человѣка? Для неиспорченной, или и испорченной, но не глубоко, слѣдовательно далеко не для всѣхъ людей. И догматическое ученіе, содержащееся въ Евангеліяхъ, истинно, а потому сродно человѣческой природѣ, и графъ Толстой признаетъ его даже написаннымъ въ сердцахъ людей; а между тѣмъ самъ же онъ обвиняетъ это ученіе за то, что оно возжигало раздоры между людьми, порождало партіи и секты, чрезъ взаимную борьбу которыхъ много пролито человѣческой крови. Фактъ вѣренъ, но упрекъ не справедливъ. Истина не есть зло, а благо, и не можетъ производить ни зла, ни бѣдствій. Причина религіознаго разномыслія и фанатизма, производящихъ въ свою очередь раздѣленіе религіи на секты и кровавую борьбу между ними, лежатъ въ ограниченности человѣческаго ума, въ невѣжествѣ, въ безсердечіи, въ самолюбіи, въ нравственной неустойчивости и развращеніи, въ упорствѣ произвола, вообще въ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ и страстяхъ.

Правда, нравственныя правила проще и общедоступнѣе метафизическихъ истинъ; однако и относительно ихъ между людьми никогда не было единогласія. Негры воспринимаютъ отъ миссіонеровъ евангельскія догматическія и нравственныя истины, но никакъ не могутъ взять въ толкъ, почему безнравственно имѣть нѣсколько женъ. Англійскій миссіонеръ Мофа, двадцать лѣтъ проповѣдывавшій христіанство южно-африканскимъ племенамъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, рассказываетъ, какъ однажды во время его проповѣди туземцы подвели къ нему одну изъ дѣвицъ, предлагая взять ее себѣ въ жены. Что при этомъ почувствовала г-жа Мофа? восклицаетъ съ англійскою чопорностію миссіонеръ. Но и не дикаря-магометанина вы не убѣдите въ безнравственности многоженства. На мои слова одному мелкому торгашу татарину, что если онъ имѣетъ двухъ женъ, то и каждая жена его имѣетъ право имѣть двухъ мужей, онъ, хотя и не впадеъ, но дѣльно отвѣтилъ, что отъ одной жены у него дѣтей нѣтъ, а отъ другой есть. Бездѣтные супруги чувствуютъ сердцемъ, а

всѣ вообще не могутъ не признать нѣкотораго значенія такой защиты многоженства. Совершенно безплодные браки, не скажемъ, не достигаютъ цѣли брака, но достигаютъ ея не вполне. Любопытно, сможетъ-ли графъ Толстой убѣдить хотя одного татарина въ томъ, что каждый долженъ жить только съ той одной женщиной, съ которой онъ разъ сошелся. Воровство—грѣхъ, а у Кавказскихъ горцевъ оно—удаль. Кровавая месть—тяжкій грѣхъ, а у многихъ низшихъ и даже полуобразованныхъ народовъ она—первѣйшій общественный долгъ и личная обязанность каждаго, уклоненіе отъ которой не мыслимо, позорно. Принесеніе въ жертву богамъ людей и служеніе имъ же нарушеніемъ дѣяствъ для насъ отвратительны, а между тѣмъ эти странныя жертвы существовали даже у образованныхъ народовъ—Вавилонянъ, Ассиріянъ, Финикіянъ, у древнихъ среднеамериканскихъ племенъ и у другихъ народовъ. Бракъ брата съ сестрой въ насъ можетъ возбуждать только отвращеніе; но онъ—обычное явленіе у нынѣшнихъ Персовъ, существовалъ также у древнихъ Египтянъ. Война по нашимъ понятіямъ—величайшее зло: у многихъ древнихъ и у многихъ современныхъ народовъ она—постоянное дѣло жизни и благороднѣйшее, рыцарское занятіе. У христіанъ любовь къ врагамъ и самоотверженіе—величайшія добродѣтели: для язычниковъ они—безуміе. Безъ сомнѣнія, не возможно перечислить всѣхъ различій и даже контрастовъ въ проявленіяхъ нравственнаго чувства въ человѣческомъ родѣ. Они столь же разнообразны и многочисленны, какъ и различія въ религиозныхъ вѣрованіяхъ. Люди не согласны въ пониманіи даже основныхъ требованій нравственнаго закона. Ни совѣсть, которая, безъ сомнѣнія, есть у всѣхъ людей, ни сродство съ нашей природой нравственнаго закона, ни вѣковой опытъ, ни здравый смыслъ, которымъ одарены если не всѣ люди, то по крайней мѣрѣ всѣ народы, ни авторитетъ великихъ мудрецовъ, изреченія которыхъ распространялись за предѣлы ихъ отечественныхъ странъ, ни практическая польза отъ исполненія нравственнаго закона и вредъ отъ нарушеній его—ничто не могло предохранить людей отъ забвенія, непониманія и совершеннаго извращенія даже коренныхъ требованій нравственнаго закона. Совѣсть, конечно, есть гласъ Божій въ человѣкѣ; но этотъ

гласъ, хотя самъ въ себѣ всегда и безусловно истиненъ и неподкупенъ, къ несчастію, естественному человѣку плохо слышится и превратно имъ понимается; этотъ гласъ подавленъ и заглушенъ вѣковыми предразсудками, порочностію и страстями, не внятенъ темному и слабому, или, что не лучше, извращенному уму, не чувствителенъ грубому сердцу, не двигаетъ косной, или же развращенной воли. Не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы доходятъ до такого нравственнаго отупѣнія и умственнаго одичанія, что ихъ можно назвать *сожженными въ совѣсти своей* (1 Тим. 4, 2). Въ такомъ случаѣ они, подобно тѣмъ еретикамъ, которыхъ Апостоль называлъ сожженными въ совѣсти за то, что они *запрещали вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ* (1 Тим. 4, 3), естественное признають вреднымъ, должное ненужнымъ, а неестественное и незаконное объявляютъ закономъ; нравственное имъ кажется безнравственнымъ, а безнравственное позволительнымъ, или даже священнымъ.

Правда, графъ Толстой, кромѣ невнятнаго голоса совѣсти, для руководства въ нравственной жизни беретъ готовыя евангельскія заповѣди. Но вѣдь онъ надѣется послѣдователями и исполнителями этихъ заповѣдей сдѣлать даже невѣрующихъ философовъ. А для такихъ философовъ въ лучшемъ разѣ ученіе евангельское—обыкновенная человѣческая мудрость, въ худшемъ случаѣ оно—непріятная имъ проповѣдь. И въ оцѣнкѣ достоинствъ и примѣнимости къ жизни нравственныхъ евангельскихъ правилъ судьями опять таки будутъ ихъ собственная совѣсть, ихъ разумъ, ихъ личные вкусы, а еще авторитетные для нихъ голоса другихъ философовъ, господствующія въ данное время ученія и т. п.

Впрочемъ и христіане, вѣрующіе въ Божество Христа и въ божественное происхожденіе и достоинство Евангелія, не согласны въ пониманіи и оцѣнкѣ евангельскихъ заповѣдей. Напр., заповѣдь о непротивленіи злу графъ Толстой считаетъ главной евангельской заповѣдію; но христіане всѣхъ исповѣданій вовсе не придаютъ ей и никогда не придавали первостепеннаго значенія. Даже изъ послѣдователей Толстаго, кажется, не всѣ согласны съ его взглядомъ на нее. Взгляды расходятся не только въ пониманіи

ея значенія въ ряду другихъ заповѣдей, но и относительно ея сущности. Если бы всѣ люди признали ее и всѣ люди исполняли ее, тогда она не вызывала бы пререканій. Но достигнуть этого не возможно. Признаніе же и исполненіе ея только частью людей будетъ сопровождаться недовольствомъ другой части, и она сдѣлается такимъ же яблокомъ раздора между людьми, какъ любая изъ метафизическихъ идей, изъ за которыхъ люди боролись между собой и не перестаютъ бороться, — то словомъ и перомъ, а то и оружіемъ. По мнѣнію графа Толстаго, Иисусъ Христосъ воспретилъ разводъ безусловно. Допустимъ, что это такъ. Тѣмъ не менѣе въ христіанскихъ обществахъ вращается очень много разнообразныхъ мнѣній о пользѣ и вредѣ развода, о позволительности и непозволительности его, о достаточности и недостаточности тѣхъ или другихъ причинъ для развода и т. п., и разными церковными и гражданскими законодателями выработаны правила развода, которыя и осуществляются на практикѣ. Мы не говоримъ, хорошо это, или дурно: мы только приводимъ примѣръ, какъ люди, принимающіе Евангеліе, расходятся въ пониманіи его нравственныхъ правилъ и въ примѣненіи ихъ къ жизни. Вина вата въ этомъ вовсе не Церковь. Если бы и не было Церкви, все равно графъ Толстой не приобрѣлъ бы многихъ послѣдователей своему ученію о безусловной неразсторжимости брака. — Въ христіанствѣ были и есть даже такія секты, которыя явно и грубо извращали нравственныя требованія Евангелія, или же подъ маловажными предлогами отвергали ихъ, или, наконецъ, самочинно подмѣняли вмѣсто нихъ измышленные, иногда совсѣмъ безумныя, правила. Мы уже упоминали о еретикахъ, запрещавшихъ бракъ, какъ злое дѣло. Въ наше время скопцы, основываясь на словахъ Христа о скопцахъ (Мѡ. 19, 12), не только уродуютъ себя, но и фанатически оскопляютъ другихъ людей. Американскіе Мормоны — христіане, и въ то же время многоженство признаютъ чуть не главною своею обязанностію. Но бывало пѣчто и худшее: древніе еретики-антиномисты (одна изъ гностическихъ сектъ) считали нравственнымъ подвигомъ изможденіе своего тѣла развратомъ. Въ нѣкоторыхъ мистическихъ сектахъ были попираемы здравый смыслъ и логика и практической нравственности

придавалось не важное значеніе. Въ православной и католической Церквахъ монашество признается высшимъ путемъ и подвигомъ жизни, а въ протестантствѣ оно совсѣмъ отвергается.

Даже въ предѣлахъ одной и той же Церкви или исповѣданія мнѣнія членовъ Церкви по многимъ вопросамъ о нравственности различны. Даже самые законы, въ которыхъ выражаются нравственныя требованія не частныхъ лицъ, а большинства, или правящихъ обществомъ людей, не всегда одинаковы, но измѣняются по духу времени, по характеру народа, по историческимъ обстоятельствамъ, опредѣляются личностію правителей народа или руководителей Церкви. Быть и жизнь, мѣсто и время, степени развитія народа и историческія судьбы его, одни законы упраздняютъ, другіе вводятъ. Напр., мнѣнія по разнымъ вопросамъ о бракѣ, безбрачїи, разводѣ въ нашемъ русскомъ православномъ народѣ очень разнообразны, и самое законодательство касательно брака и развода не всегда было одинаково. Конечно, измѣненія касались не существа предмета, а частныхъ его, но всетаки они были. — Далѣе, въ настоящее время среди русскихъ ученыхъ возникли оживленныя разсужденія объ отношеніи общественной нравственности къ личной, объ относительныхъ преимуществахъ той и другой. Предметъ спора оказался очень темнымъ и труднымъ; нельзя сказать, чтобы ученые рѣшили его, и еще менѣе можно надѣяться на то, что они когда нибудь придутъ къ единогласному рѣшенію. — Заповѣдь о непротивленіи злу, безъ сомнѣнія, можетъ вызвать еще болѣе недоумѣній, вопросовъ, споровъ и разногласія, нежели вопросъ объ отношеніи личной нравственности и личнаго блага къ общественной нравственности и къ общественному благу.

Взятая сама въ себѣ, *in abstracto*, нравственныя правила просты, общепонятны и крайне не сложны; *ибо весь законъ*, т. е., законъ нравственный, *въ словъ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя.* (Галат. 5, 14; Лев. 19, 18) ¹⁾. Но въ приложеніи ихъ къ жизни,

¹⁾ Первая и наибольшая заповѣдь: *Господь Богъ нашъ есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею*

особенно столь сложной, какова жизнь современныхъ образованныхъ народовъ, являются многочисленныя столкновенія обязанностей и разнообразныя затрудненія, простой и ясный смыслъ ихъ въ умахъ и сердцахъ людей затмѣвается, въ пониманіи ихъ возникаютъ разногласія и несообразности, а въ осуществленіи послабленія, уклоненія и прямыя нарушенія. Было это прежде, есть теперь и всегда будетъ. Церковь повинна въ этомъ по столько, по сколько ея члены и руководители не обладаютъ вышечеловѣческимъ совершенствомъ, и по сколько она не можетъ всѣхъ людей сразу довести до идеальнаго совершенства. Можно, должно и полезно указывать свойственные христіанскимъ обществамъ недостатки, слѣдуетъ указывать способы для ихъ исправленія, намѣчать лучшіе пути для жизни, давать совѣты и предъ-являть требованія; но при этомъ не должно упускать изъ виду границъ возможнаго для человѣка и христіанина, а также различія между идеаломъ и дѣйствительностію, между закономъ и его пониманіемъ людьми, примѣненіемъ къ жизни и осуществленіемъ въ жизни и дѣятельности. Нельзя не позавидовать графу Толстому въ томъ, что онъ, имѣя свыше 60 лѣтъ отъ роду, когда люди, наученные горькимъ опытомъ жизни, обыкновенно теряютъ вѣру въ людей, въ бытіе добра и счастья, имѣетъ чисто юношескую вѣру въ нравственное совершенство челоуѣчества въ будущемъ. Такая вѣра не можетъ не приносить нравственнаго довольства и счастья имѣющему ее; а если она держится не въ головѣ только, а живетъ въ сердцѣ и проникаетъ жизнь, то она свидѣтельствуетъ о высотѣ нравственныхъ началъ и добродѣтели челоуѣка. Но когда Толстой полагаетъ, что отселѣ люди, какихъ бы убѣжденій они ни держались, прямо обратятся къ евангельскому ученію о жизни, безпрекословно примутъ и не могутъ не принять пяти заповѣдей Христа изъ нагорной проповѣди, будутъ исполнять ихъ, и начнется золотой вѣкъ въ жизни челоуѣчества; то какъ не подумать, что такъ разсуждаетъ не здравый мы-

душею твою и всѣмъ разумніемъ твоимъ, и всею крѣпостію твою. (Мр 12, 29. 30; Мо. 22, 36 — 38; Втор. 6, 4 — 5), заключаетъ въ себѣ законъ и нравственный и религіозный, и потому-то она главнѣе второй, исключительно нравственной, заповѣди о любви къ ближнимъ.

слитель, не талантливый писатель, не мудрецъ, а мечтатель, фантазеръ.

Конечно, крайнія извращенія смысла и требованій нравственнаго закона въ значительной мѣрѣ происходятъ отъ ложнаго міросозерцанія, опредѣляются ложной метафизикой, или извращенной и невѣрной догматикой. Напр., безразсудное ученіе антиномистовъ объ обязанности человѣка измощдать свое тѣло распутствомъ вытекаетъ изъ дуалистическаго воззрѣнія на матерію, какъ злую сущность. А графъ Толстой, скажутъ намъ, именно и предлагастъ устранить метафизику и догматику, такъ какъ онѣ разсуждаютъ о томъ, что не понятно и потому никому не нужно и даже вредно, вызывая раздоры; нужно ученіе о жизни, а теоретическія объясненія этого ученія не имѣютъ важности.

Допустимъ на минуту, что метафизика и догматика, т. е., философское и религіозное ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, о бытіи и его познаніи, не важны, бесполезны, даже вредны. Но кто же въ силахъ упразднить ихъ? Кто можетъ вытравить изъ человѣка присущую ему потребность задаваться высшими вопросами о происхожденіи, бытіи, смыслѣ и цѣли всего существующаго, о происхожденіи и назначеніи человѣка, о Первопричинѣ міра и т. и.? Кто можетъ искоронить въ немъ склонность и способность искать отвѣтовъ на эти неотступные вопросы въ изслѣдованіи природы, въ изученіи исторіи, въ проникновеніи въ глубины своего духа, въ размышленіи надъ ученіемъ мудрецовъ, въ созерцаніи красоты въ твореніяхъ природы и искусства, наконецъ, въ освященіи и просвѣщеніи себя изслѣдованіемъ мудрости Божіей, открытой въ Словѣ Божіемъ? Да и полезно-ли не только искоренять, а даже ослаблять или ограничивать эту потребность и способность человѣческаго духа къ изслѣдованію высшихъ вопросовъ, къ возможному прѣикновенію въ тайны бытія? Эта потребность и эта способность столько же возвышенны, сколько не искоронимы. Онѣ то особенно, въ безграничной степени, возвышаютъ человѣка надъ животными. Разумъ есть высшая, по истинѣ божественная, часть человѣческаго существа. Препятствовать ему нъ свойственной ему дѣятельности, или ограничивать ее, — оовсѣмъ искоренить ее не возможно, — значить парализовать его, подобно тому, какъ каждый членъ нашего тѣла слабѣетъ

и парализуется при отсутствіи соотвѣтствующей ему дѣятельности; а парализовать разумъ — это лучшее средство низвести человѣка въ низменности матеріализма и животности. Не думаемъ, чтобы такой человѣкъ былъ способенъ проводить высоко-нравственную жизнь. Для его прозаическаго и низменнаго ума высокіе подвиги самоотверженія и безкорыстной любви не могутъ быть понятны, они для него безразсудство, заслуживающее снисходительнаго сожалѣнія, или даже смѣшное донкихотство. Гдѣ разумъ усыпленъ или бездѣйствуетъ, тамъ не можетъ быть идеаловъ; а гдѣ нѣтъ идеаловъ, тамъ нравственность укладывается въ рамки пользы. Такой человѣкъ считаетъ нужнымъ исполнять изъ нравственнаго закона только то, что, по его соображеніямъ, необходимо для поддержанія чести, достоинства, духовнаго и матеріальнаго благосостоянія.

Скажутъ: разумъ ошибается; философская и религіозная метафизика держатъ въ оковахъ заблужденія въ теченіи сотенъ и тысячъ лѣтъ цѣлые народы; религіозныя заблужденія возжигали религіозный фанатизмъ, а фанатизмъ пролилъ потоки человѣческой крови.

Но не ошибаться человѣкъ не можетъ. Заблужденія — неизбѣжное зло. Есть много средствъ противъ него; но и лучшія изъ нихъ мало помогаютъ. Быть можетъ, наилучшее изъ нихъ — умѣть сознать свои заблужденія, имѣть рѣшимость покинуть ихъ и путемъ ошибокъ доходить до истины; но именно этимъ средствомъ люди пользуются не часто. Предлагаемый же графомъ Толстымъ рецептъ лѣченія метафизическихъ и догматическихъ заблужденій и происходящихъ отъ нихъ бѣдствій устраненіемъ метафизики и догматики не можетъ имѣть ни примѣненія, ни настоящаго дѣйствія; онъ столько же не возможенъ, сколько вреденъ. Предлагающій это средство похожъ на врача, который, не умѣя вылѣчить тяжкаго недуга, посовѣтовалъ бы больному покончить жизнь самоубійствомъ.

Во первыхъ, изгнать метафизику и догматику изъ человѣческаго обихода, или убѣдить людей совсѣмъ не заниматься метафизическими и догматическими вопросами не возможно. Можно только, да и то на краткое время, ослабить интересъ къ нимъ общества, направляя вниманіе послѣдняго исключительно на такъ называемыя положи-

тельные науки и сосредоточивая силы духа на дробномъ изученіи явленій видимой природы и на заботахъ о достиженіи матеріальнаго благосостоянія. Такія эпохи, когда ослабѣваетъ интересъ къ изслѣдованію высшихъ вопросовъ, и метафизика становится смѣшнымъ, или браннымъ словомъ, дѣйствительно бывають, возникая въ силу законовъ историческаго хода и развитія мысли. Такова именно была пережитая нами эпоха пятидесятихъ, шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ. Но эти эпохи имѣють свой конецъ, и вслѣдъ за ними обыкновенно философскія и религіозныя науки опять, иногда съ особенной силой, разцвѣтають, подобно тому, какъ жизнь нышно разцвѣтаетъ весной послѣ зимняго сна.

Во вторыхъ, ограниченіе, такъ сказать, правъ метафизики и догматики не можетъ вести къ предположенной графомъ Толстымъ цѣли, — къ годворенію между людьми мира и единодушія. Освободите, если можете, людей отъ метафизическихъ и догматическихъ споровъ, они будутъ разногласить въ области морали; ихъ будутъ раздѣлять различія въ пониманіи и примѣненіи права; государственныя, экономическія, соціальныя и международныя интересы и отношенія будутъ служить для нихъ всегдашнимъ яблокомъ раздора. Людей и народы раздѣляютъ не философскія только и религіозныя ученія, мнѣнія и убѣжденія: ихъ раздѣляютъ больше всего различія въ характерахъ и вкусахъ, племенные, національныя и личныя особенности, исторически, вѣками сложившіяся традиціи, вѣковые и потому закоренѣлыя предрасудки, бытовыя различія, неравенство въ природныхъ дарованіяхъ и въ распредѣленіи богатствъ между народами и индивидуумами, различія родовыя и сословныя, различія въ степени власти и въ другихъ правахъ. Но въ особенности и больше всего людей и народы вооружають другъ противъ друга страсти; эгоизмъ — вотъ главный и никогда не изсякающій источникъ раздора между людьми.

Въ третьихъ, ослабленіе интереса къ метафизическимъ и догматическимъ вопросамъ почти всегда бываетъ признакомъ усталости мысли и пониженія умственнаго уровня среди образованныхъ народовъ. Правда, презрѣніе къ метафизикѣ въ третью четверть нашего столѣтія было вызвано

слишкомъ большими, не удавшимися претензіями философіи Гёгеля и было естественной реакціей противъ излишняго увлеченія этой и вообще идеалистической философіей; ученые того времени оправдывали свое отвращеніе отъ метафизики обнаруженною будто бы ея неспособностію рѣшить тѣ вопросы, за которые она берется. Это обвиненіе было отчасти справедливо. Но разъ изъ за недостатковъ метафизики отвергали ее совсѣмъ, пенавидѣли ее и гнушались ею, это-то всего болѣе и говорило объ ограниченности умственного кругозора обвинителей метафизики, о неспособности ихъ понять даже того простаго факта, что вопросы, рѣшаемые метафизикой и догматикой, — вопросы высшіе, вѣчные, всегда и неизбѣжно живущіе въ умѣ и сердцѣ человѣка, и что пасмѣшками надъ метафизикой нельзя принудить человѣка забыть то, чего забыть онъ не можетъ, не переставши быть человѣкомъ. О фактѣ этомъ говоритъ чуть не каждая страница исторіи мысли и вѣрованій человечества, и онъ же обнаруживается въ душѣ и въ жизни каждаго мыслящаго, или вѣрующаго человѣка, а между тѣмъ ученые того времени не могли его ни понять, ни признать. Въ ослѣпленіи они не хотѣли видѣть и того общезвѣстнаго факта, что сами эмпирическія науки, которыя ими признаются единственно истиннымъ и полезнымъ знаніемъ, ростомъ своимъ много обязаны метафизикѣ. Не могли они понять и того, что изученіе явленій природы и человѣческой жизни почти не имѣетъ смысла и не можетъ быть даже названо наукой, если въ концѣ концовъ не приведетъ къ лучшему пониманію основъ и цѣлей бытія и жизни, т. е., къ уясненію все тѣхъ же неотступныхъ метафизическихъ вопросовъ. Уже одно нежеланіе или отказъ изслѣдывать высшіе, метафизическіе вопросы по той причинѣ, что они трудны, или неразрѣшимы, есть признакъ низменности, ограниченности, односторонности, слабосилія и легкомыслія ума. Люди съ неповерхностнымъ, но глубокимъ умомъ, и съ широкимъ кругозоромъ, люди соединявшіе съ проникательностію ума широту воображенія и живость чувства, какъ религіознаго, такъ и эстетическаго, серьезные мыслители и гении, никогда не чуждались этихъ вопросовъ, а, напротивъ, послѣдніе и были настоящей стихіей, въ которой парила ихъ мысль и жило сердце.

Если, такимъ образомъ, есть сродство возвышенныхъ и сильныхъ умовъ съ метафизическими вопросами, тогда какъ, напротивъ, равнодушіе и пренебреженіе къ нимъ, обыкновенно предполагають низменность и ограниченность духа, то не безразсудно-ли вооружаться противъ метафизики и догматики и стараться изгнать изъ науки и жизни содержащіяся въ нихъ вопросы и истины? Полезно-ли, не говоримъ, изгонять, а хотя бы только равнодушно забывать, или удалять на задній планъ то, что питаетъ и возвышаетъ духъ, просвѣщаетъ его и освящаетъ, заразы служитъ человѣку и медомъ, услаждающимъ его жизнь, и солью, предохраняющей его отъ нравственнаго глѣнія. Пусть многіе заблуждаются въ исканіи истины, и никто не достигаетъ полного пониманія ея; но самый процессъ исканія истины не менѣе полезенъ, чѣмъ обладаніе ею. Онъ спасаетъ человѣка отъ лѣни, душевной пустоты и нравственной порчи; чрезъ него растетъ и крѣпнеть внутренній человекъ; онъ бываетъ иногда для человѣка той драгоценной жемчужиной, ради которой человекъ жертвуетъ всѣми земными благами; онъ, если не всегда возводитъ, то по крайней мѣрѣ можетъ возводить разумъ, весь духъ и всю жизнь человѣка на такую высоту, до которой трудно достигнуть даже и хорошимъ, но исключительно практическимъ людямъ.

Въ четвертыхъ, для самого ученія о жизни, т. е., для ученія о нравственности, на которое графъ Толстой возлагаетъ всѣ свои надежды, догматика и метафизика необходимы. Самъ же онъ говоритъ, что всѣ религіи состоятъ изъ ученія о жизни, т. е., изъ нравоученія, и изъ метафизическаго объясненія ученія о жизни. Это такъ и есть и не можетъ быть иначе. Такой составъ всѣхъ религій изъ догматической и этической сторонъ, не исключая и религіи безусловно истинной, христіанской, уже самъ по себѣ говоритъ о существенной важности обѣихъ ихъ. И самъ Толстой усматриваетъ коренную порчу церковнаго христіанства въ томъ, что въ немъ будто бы эти двѣ стороны раздѣлились, и одна сторона, именно ученіе о жизни, подверглась извращенію и какъ бы забвенію, такъ что осталось только одно объясненіе ученія о жизни, сторона догматическая. Это было-бы дѣйствительно большое зло, если бы нравоучительная сторона религіи была совсѣмъ засло-

нена или отстранена догматической. Но Толстой преувеличилъ фактъ: въ церковномъ ученіи есть только нѣкоторое преобладаніе догматической стороны религіи предъ нравоучительной, а не поглощеніе первой второй. Быть можетъ, въ христіанствѣ это преобладаніе иногда превышало мѣру должнаго; но это — недостатокъ не столько самой Церкви, сколько богословскихъ школъ, или же неправославныхъ исповѣданій и сектъ. Закономѣрное же преобладаніе догматической стороны предъ нравоучительной не есть недостатокъ. Графъ Толстой отдаетъ рѣшительное преимущество правоученію предъ догматической стороной религіи; но съ нимъ можно спорить. Догматъ не есть только объясненіе нравственнаго правила, чѣмъ считаетъ его Толстой: онъ—основа нравственнаго правила, и въ этомъ его преимущество предъ послѣднимъ, его право на первенство предъ нимъ.

По мнѣнію графа Толстаго, философское ученіе объ альтруизмѣ есть только перифразъ христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ. На самомъ же дѣлѣ между ними глубокое различіе, и оно вытекаетъ именно изъ отличія догматической основы христіанской любви къ ближнимъ отъ метафизическаго основанія альтруизма. Смыслъ, характеръ и цѣль христіанской любви къ ближнимъ опредѣляются любовью къ личному Богу, какъ общему всѣхъ отцу и спасителю, какъ существу совершеннѣйшему, какъ благому промыслителю, святому и милосердому издвоздателяю. Напротивъ, альтруизмъ держится на пантеистическомъ ученіи, что человѣкъ—часть вселенной, принадлежитъ ей и долженъ любить другихъ людей потому, что они—это онъ же самъ. Для христіанина образецъ въ его любви къ ближнимъ—Богъ; но кому подражаетъ пантеистъ—альтруистъ? Мотивами христіанской любви къ ближнимъ служатъ любовь и благодарность къ Богу, потребность спасенія и надежда на вѣчную жизнь: мотивомъ пантеистическаго альтруизма является туманная мысль о сродствѣ, сліяніи и тождествѣ интересовъ человѣка со всѣмъ существующимъ, хотя видимая дѣйствительность мало оправдываетъ ее. Христіанская любовь къ людямъ есть истинная, самоотверженная любовь: альтруизмъ въ сущности есть замаскированный эгоизмъ, утонченный расчетъ на то, что любовь къ людямъ нату-

ральнѣе и полезнѣе, какъ всѣмъ, такъ и самому человѣку, нежели личный эгоизмъ. Въ своихъ основахъ и по существу альтруизмъ есть любовь къ людямъ натуралистическая, хотя и не въ грубомъ смыслѣ этого слова: христіанская любовь къ ближнимъ, какъ любовь человѣческая, также содержитъ въ себѣ натуралистическіе элементы, но она освящается вѣрой въ Бога и любовью къ Нему и благодатию.

Если основы нравственнаго правила лежать въ догматѣ, то и все вообще нравовученіе основывается на догматикѣ. Христіанская догматика—наука основоположительная.

Точно такое же отношеніе наблюдается и между метафизикой, какъ теоретическимъ философскимъ міросозерцаніемъ, и философской этикой или философской системой нравовученія: первая является опредѣляющимъ началомъ, послѣдняя—вытекающимъ изъ нея выводомъ. Такъ бываетъ по крайней мѣрѣ въ сложившемся, готовомъ и цѣломъ міросозерцаніи. Но мы не отрицаемъ того, что въ процессѣ образованія его, психологически, нравственные и умственные элементы взаимно переплетаются и другъ друга опредѣляютъ, такъ что даже самому, переживающему этотъ процессъ, человѣку не легко уяснить себѣ взаимную относительную силу тѣхъ и другихъ элементовъ. Степень вліянія тѣхъ и другихъ на жизнь и складъ міросозерцанія мѣняется въ зависимости отъ воспитанія, характера лицъ, духа времени и другихъ условій; она измѣняется даже въ одномъ и томъ же лицѣ въ разные періоды его жизни и по разнымъ случаямъ послѣдней. Но въ цѣлой жизни человѣка и особенно въ жизни народовъ главной, опредѣляющей силой является ихъ теоретическое міросозерцаніе.

Въ пятыхъ, пренебреженіе къ догматикѣ и метафизикѣ привело Толстаго къ извращенному взгляду на христіанство. Онъ полагаетъ, будто „ученіе Христа не спорить съ людьми нашего міра объ ихъ міросозерцаніи, оно впередъ соглашается съ нимъ и, включая его въ себя, даетъ имъ то, что имъ необходимо и чего они ищутъ: оно даетъ имъ путь жизни“. Такой взглядъ на отношеніе христіанства къ какому бы то ни было міросозерцанію—совершенный парадоксъ, чистая ложь. Христіанство—религія единобожная: неужели-же оно не будетъ бороться противъ многобожнаго язычества и будетъ включать въ себя политеизмъ, лишь

бы приверженцы послѣдняго исполняли пять заповѣдей Христа? Иисусъ Христосъ училъ о личномъ Богѣ, Отцѣ Своемъ и Отцѣ всѣхъ людей: неужели-же христіанство можетъ помириться съ пантеизмомъ и признать пантеистовъ истинными христіанами, какъ бы ни была высока ихъ нравственность? Нравственными людьми могутъ быть и бывали даже матеріалисты, и это потому, что, какъ мы выше сказали, дѣятельность, направленная къ изысканію истины и особенно къ изслѣдованію высшихъ вопросовъ, предохраняетъ человѣка отъ нравственной порчи: но неужели христіанство не должно спорить съ матеріализмомъ и нравственныхъ матеріалистовъ считать своими сторонниками. Думать такъ о христіанствѣ, значить признавать его равнодушнымъ къ истинѣ. Такого рода индифферентизмъ не только жалокъ, но онъ безпримѣренъ, не возможенъ. Неужели христіанство въ цѣляхъ привлеченія къ себѣ всѣхъ разномыслящихъ съ нимъ можетъ и должно понирать основные законы логики, законы тождества и противорѣчія, говорить объ одномъ и томъ же предметѣ да и нѣтъ? Если я единопобожникъ, то я уже не могу и не долженъ называть своими единовѣрцами многобожниковъ; если я признаю единоебожіе истиной, то я не могу не считать многобожія ложью и, изъ уваженія къ истинѣ и ради блага заблуждающихся, обязанъ учить ихъ истинѣ, доказывать и изобличать ихъ заблужденіе, а вовсе не соглашаться съ нимъ. Можно и должно любить и враговъ, но нельзя называть друзьями христіанства враговъ его, какъ напр. матеріалистовъ. Распаденіе христіанства на многочисленныя и взаимно-враждебныя исповѣданія и секты — величайшее зло. Но нельзя же для его уврачеванія обезличивать христіанство, вытраивать изъ него самую его сущность, однимъ словомъ, налагать на него руку? Люди отъ этого не станутъ едиными и дружелюбными, а чистота христіанства замутится больше прежняго; христіанства даже вовсе не останется: выйдетъ какое-то невозможное смѣшеніе разнородныхъ религій и философій, и связью между ними будутъ служить только нѣсколько нравственныхъ правилъ, да и эти, при различіи міросозерпаній, будутъ понимаемы не одинаково. Истинное христіанство утратится, а единеніе между частями мнимаго христіанства не достигнется.

Въ шестыхъ, Толстой, отрицая метафизику, самъ однако вдается въ нее. Онъ самымъ дѣломъ показываетъ невозможность мыслящему человѣку, хотя бы онъ былъ исключительнымъ моралистомъ, удовольствоваться готовыми правилами морали и удержаться отъ размышлений о метафизическихъ вопросахъ, отъ стремленія уяснить себѣ и выработать свое міросозерцаніе. Въ сочиненіи его „О жизни“¹⁾ есть много утонченныхъ метафизическихъ размышлений, по духу—пантеистическихъ. Не даромъ говоритъ пословица: природу выгони въ дверь, она влетитъ въ окно.

Наконецъ, самый источникъ неуваженія графа Толстаго къ догматикѣ и метафикѣ нельзя признать ни безукоризненно чистымъ, ни неизсякающимъ. Этотъ источникъ—склонность его къ исключительному, одностороннему морализму. Какъ крайность и односторонность, исключительный морализмъ есть недостатокъ, подобно тому, какъ и противоположная крайность—односторонній интеллектуализмъ—тоже есть недостатокъ; потому что и тотъ и другой въ отдѣльности не обезпечиваютъ обладанія полнотой истины и жизни. Они должны быть соединены и взаимно уравновѣшены, а не должны исключать другъ друга. Какъ для полноты, цѣльности и вообще нормальности жизни человѣка требуется соединеніе интеллектуальной силы и зрѣлости съ нравственной энергіей воли, такъ и для плодотворности самой проповѣди о жизни необходимо, чтобы она совмѣщала въ себѣ истинныя понятія о предметахъ съ духомъ чистѣйшей нравственности. Къ сожалѣнію, очень часто въ человѣкѣ излишнее преобладаніе умственной дѣятельности ослабляетъ склонность и способность къ практической дѣятельности, и, наоборотъ, привычка къ практической дѣятельности не даетъ времени и лишаетъ охоты къ созерцанію и самоуглубленію. Подобная неравномѣрность умственныхъ и волевыхъ силъ замѣчается и въ цѣлыхъ народахъ: одни, какъ Нѣмцы, больше склонны къ интеллектуа-

¹⁾ Мы читали только послѣднія главы изъ книги „О жизни“, помѣщенные въ 13-й части сочиненій Толстаго, и еще выдержки изъ нея въ сочиненіи профессора Гусева: „Любовь къ людямъ въ ученіи графа Л. Толстаго и его руководителей“. Полнаго сочиненія, напечатаннаго на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Ueber Leben“. Leipzig 1889 г., мы подъ руками не имѣли.

лизму, а другіе, какъ Англичане, отличаются практическимъ характеромъ. Но и въ жизни однихъ и тѣхъ же народовъ въ однѣ эпохи преобладаетъ интеллектуализмъ, а въ другія—морализмъ. Въ слѣдъ за эпохою Кантовскаго морализма господствовалъ интеллектуализмъ идеалистической философіи, который, въ свою очередь, въ послѣднее полуустолѣтіе уступилъ мѣсто сначала научному эмпиризму, а въ самое послѣднее время философскому морализму. Въ настоящее время господство морализма обнаруживается: въ возрожденіи кантіанства у такъ называемыхъ новокантіанцевъ; далѣе, въ пессимистической философіи, которая явилась въ лицѣ Шопенгауера еще въ эпоху Гегеля, но была тогда въ совершенномъ пренебреженіи и господствующей сдѣлалась только въ послѣднюю четверть вѣка; наконецъ, въ позитивизмъ, провозвѣстниками котораго явились Англичане и Французы. Графъ Толстой съ своимъ морализмомъ выражаетъ духъ нашего времени. Его морализмъ эклектичeskій, собирательный. Въ его нравственномъ ученіи совмѣщены евангельскія заповѣди, пантеистическо-натуралистическая мораль пессимизма и практическая, утилитарная мораль позитивизма. Вотъ почему мы и назвали источникъ его нравственнаго ученія не совсѣмъ чистымъ. Недостатокъ чистоты въ правоученіи пессимистовъ и позитивистовъ и въ нравоученіи графа Толстаго, а также и излишекъ въ увлеченіи морализмомъ не обѣщаютъ этому увлеченію долговѣчности. Если бы графъ Толстой не былъ теперь старикомъ, то, быть можетъ, онъ дожилъ бы до того времени, когда многія его изреченія, считаемыя теперь словами мудреца, будутъ называть непонятными парадоксами, а все вообще его ученіе забудутъ. Толстаго, какъ художественнаго писателя, будутъ помнить очень долго, а его же, какъ философа—моралиста, забудутъ очень скоро. Дѣти тѣхъ, которые теперь увлекаются его ученіемъ, будутъ называть ихъ сумасбродами. Философія его останется, но вліяніе-то ея прекратится. Она слишкомъ односторонняя и легковѣсна для того, чтобы могла противостоять закону постоянной смѣны направленной мысли.

Какъ различны взгляды интеллектуалистовъ и моралистовъ на однѣ и тѣ же вещи, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ свое время интеллектуалистъ Бокль

писалъ, что нравственное ученіе, выражающееся въ немногихъ правилахъ, всегда было одно и то же, какъ во времена Моисея, такъ и теперь, что нравственность — сила не прогрессивная, и что человѣчество развивается исключительно чрезъ развитіе умственное, чрезъ умноженіе познаній. Тогда такой взглядъ отвѣчалъ духу времени, и никто не думалъ его оспаривать; онъ казался совершенно естественнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ. — Теперь графъ Толстой, какъ моралистъ, высказываетъ взглядъ совершенно противоположный. По его мнѣнію, метафизическое ученіе Христа — не новое, оно написано въ сердцахъ людей и его проповѣдывали всѣ истинные мудрецы міра; сила ученія Христа не въ объясненіи смысла жизни, а въ ученіи о жизни, въ приложеніи метафизическаго ученія къ жизни. И этотъ взглядъ теперь не всѣмъ покажется страннымъ. На самомъ же дѣлѣ оба взгляда — крайности и не вѣрны. Противъ взгляда Бокля достаточно указать на слова Иисуса Христа: *заповѣдь новую дамъ вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13, 34); далѣе, сослаться на тотъ фактъ, что нравственность образованной черни христіанскихъ народовъ гораздо выше образованныхъ языческихъ народовъ; наконецъ, упомянуть о томъ, что и въ средѣ христіанскихъ народовъ уровень нравственности не всегда повышается пропорціонально подъему культуры и развитію знаній. Графу Толстому можемъ возразить: неужели до-христіанскіе мудрецы міра имѣли истинныя понятія о Богѣ, о происхожденіи міра и человѣка, о загробной участи послѣдняго, о взаимныхъ отношеніяхъ Бога и человѣка, объ искупленіи и о многомъ другомъ? Столько лѣтъ графъ проводитъ свою жизнь среди русскихъ мужиковъ, а не знаетъ того, что даже величайшіе языческіе мудрецы ощупью и въ потьмахъ касались тѣхъ предметовъ, а объ иныхъ и вовсе не знали, которые въ христіанствѣ и безграмотные простецы видятъ освѣщенными, и о „божественномъ“, какъ они выражаются, могутъ знать твердо и съ увѣренностію то, относительно чего терялись въ догадкахъ и сомнѣніяхъ древніе мудрецы.

Впрочемъ, въ настоящее собственно время морализмъ графа Толстаго, отвѣчая потребностямъ времени, не бесполезенъ. Его горячія и сильныя обличенія плотоугодія и легкости нравовъ, развращающей роскоши и погони за удо-

вольствіями въ современномъ цивилизованномъ обществѣ достигаютъ своей цѣли. Онъ съ поражающею очевидностію доказываетъ, какъ жалки и мишурны блага, къ которымъ стремятся люди, живущіе по правиламъ міра, и какой цѣной тяжкихъ жертвъ они покупаются и тяжкихъ страданій вознаграждаются. Мѣтко описываетъ онъ крайнюю искусственность и ненормальность воспитанія и всей жизни жителей большихъ городовъ, лишенныхъ живительнаго общенія съ природой. Людямъ сего міра, большею частію равнодушнымъ ко всему божественному, или вовсе отрицающимъ его, онъ внушительнымъ жестомъ указываетъ на Евангеліе, какъ на источникъ истинной жизни. Важно уже и то, что онъ напоминаетъ о несравненной важности этого источника истины и счастья яко-бы образованнымъ людямъ нашего времени, которые, къ стыду нашего вѣка, дѣйствительно, забыли о немъ, а иные либо стыдятся, либо не любятъ говорить о немъ. Но еще важнѣе проповѣдь его о томъ, что только жизнь по евангельскимъ заповѣдямъ есть истинно счастливая и достойная человѣка жизнь и что жизнь по правиламъ міра противоположна ей. Онъ доказываетъ разумность, жизнеспособность и исполнимость евангельскихъ заповѣдей. Онъ призываетъ легкомысленныхъ къ серьезной жизни, порочныхъ къ исправленію, невѣрующихъ къ религіи. Онъ научаетъ любовно и человѣчно относиться къ людямъ, кто-бы и каковы бы они ни были. Его мысль о необходимости и полезности для каждаго человѣка производить черную работу хотя и привела къ сумасброднымъ затѣямъ толстовцевъ-колонистовъ, но, съ другой стороны, она нанесла новый ударъ господствовавшему у насъ во время крѣпостнаго права и ослабѣвшему только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе предрассудку, будто „благороднымъ“ стыдно и не должно заниматься чернымъ трудомъ. По многимъ причинамъ его призывъ общества къ нравственному перерожденію имѣетъ особенную дѣйственность: его проповѣдь изложена талантливо; онъ давно заслужилъ славу первокласнаго писателя, и потому ученіе его имѣетъ большой авторитетъ; наконецъ, онъ самъ былъ нѣкогда невѣрующимъ, да и теперь онъ не церковно-вѣрующій, а потому его нравоученіе никто не можетъ заподозрить въ официальнойности и неискренности, и оно тѣмъ

внушительнѣе должно дѣйствовать на тѣхъ, которые и доселѣ остаются въ невѣріи. Замѣчательно, что наши либералы полемизируютъ противъ Толстаго, и ихъ полемика, думаемъ, вызвана не парадоксами въ его ученіи, а сознаниемъ, что онъ только одной ногой стоитъ въ ихъ лагерѣ, а другой—во враждебномъ. Странное явленіе, что противъ него борются и церковные и антицерковные люди, только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ двоица въ своемъ ученіи, принадлежитъ двумъ противоположнымъ лагерямъ, онъ въ одно и то же время и вѣрующій и скептикъ. Отъ того и плоды его ученія двойкіе—хорошіе и дурные. Пожелаемъ, чтобы онъ, ставши одной ногой на камнѣ вѣры, вывязилъ и другую ногу изъ тины сомнѣній и заблужденій. Какъ писателя свѣтскаго, талантливаго и авторитетнаго и какъ бывшаго невѣрующаго его читаютъ и правоученію его слѣдуютъ даже такіе люди, до которыхъ церковная проповѣдь или совсѣмъ не достигаетъ, потому что они въ храмъ не ходятъ, или выслушивается ими съ совершеннымъ равнодушіемъ и никакого дѣйствія на нихъ не оказываетъ. Къ числу безусловно полезныхъ и свободныхъ отъ преувеличеній и парадоксовъ принадлежитъ его статья: „Праздникъ просвѣщенія 12 января“¹⁾. Эта очень маленькая, но образцовая статья бичуетъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ русскомъ народѣ, отъ самыхъ верхнихъ до самыхъ нижнихъ его слоевъ, пороковъ—склонность къ пьянству и кутежамъ. Въ этой статьѣ графъ Толстой деликатно, но очень больно высѣкъ „людей просвѣщенія“, и многимъ изъ нихъ, читая эту статью, или слыша разговоры о ней, приходится *faire bonne mine au mauvais jeu* (сладко улыбаться при дурной игрѣ).

Но опять повторимъ, мы не вѣримъ въ продолжительность вліянія его проповѣди на улучшеніе нравовъ. А его надежды на то, что отнынѣ начинается новая блестящая эра въ нравственной жизни христіанскихъ народовъ, мы признаемъ мечтами, которымъ не суждено сбыться въ той мѣрѣ, какъ онъ ожидаетъ. Мечта то, будто отнынѣ христіане и даже невѣрующіе будутъ черпать нравственные правила только изъ Евангелія. Самъ Толстой своими сочи-

¹⁾ Она помѣщена въ 13-й части сочиненій графа Толстаго.

непніями обнаруживаетъ несбыточность этой мечты, потому что содержащееся въ нихъ правоученіе заимствовано не изъ Евангелія только, а и изъ философскихъ системъ, и по существу своему и духу есть не чисто евангельское правоученіе. Мечта и то, будто отселѣ, послѣ сдѣланныхъ графомъ Толстымъ разъясненій смысла евангельскихъ заповѣдей, люди будутъ понимать ихъ именно въ томъ смыслѣ, какой въ нихъ содержится. Если само Евангеліе не можетъ предохранить всѣхъ исповѣдующихъ его отъ заблужденій, то могутъ-ли достигнуть этого слабыя человѣческія разъясненія его содержания? Нужно отнести на счетъ непомѣрнаго авторскаго самомнѣнія графа то, будто онъ первый открылъ и объяснилъ истинный смыслъ евангельскаго правоученія, будто его разъясненія безусловно правильны и будто всѣ должны согласиться и согласятся съ ними. Еще болѣе несбыточно ожиданіе, будто люди, разъ они начнутъ почерпнуть нравственныя правила прямо изъ Евангелія и будутъ знать ихъ истинный смыслъ, сдѣлаются праведниками. Главная бѣда не въ томъ, что люди не знаютъ евангельскихъ заповѣдей, или неправильно понимаютъ ихъ, а въ томъ, что они имѣютъ слабость не исполнять ихъ, не имѣютъ силъ исполнять. Никакая философія, никакое правоученіе, или заповѣди не могутъ излѣчить отъ этого недуга: онъ неискоренимъ. Не только знаніе добра, но и желаніе добра не всегда сопровождается осуществленіемъ его. Нравственный законъ даетъ знать, что должно и чего не должно дѣлать, но не даетъ силъ дѣлать. Разслабленный ногами видитъ, куда идти, но онъ не имѣетъ силъ идти.

Заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти... Законъ духовенъ, а я плотянь, проданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ; а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.

Итакъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, принадлежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Итакъ тотъ же самый я умолю моимъ служу закону Божію, а плотию закону грѣха (Рим. 7, 10—25). Приводя эти слова, нѣтъ даже нужды ссылаться на авторитетъ Апостола, потому что каждый постоянно переживаетъ изображаемое въ нихъ состояніе борьбы двухъ законовъ: закона Божія и закона грѣха, закона ума и закона плоти, и каждый знаетъ, что сила грѣха въ человѣкѣ неискоренима и всегда дѣйствуетъ, а потому Апостоль и называетъ ее закономъ; и не только грѣхъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, но часто и господствуетъ въ немъ. Не забудемъ, что Апостоль говоритъ это не объ естественномъ человѣкѣ, не знающемъ Евангелія и не возрожденномъ благодатію, а именно о христіанахъ, даже о самомъ себѣ, слѣдовательно примѣняетъ свои слова къ истиннымъ христіанамъ, знающимъ Евангеліе, и желающимъ жить по немъ. А графъ Толстой съ какою-то наивною самоувѣренностію полагаетъ, что отнынѣ люди міра не могутъ не чувствовать своей беспомощности и не могутъ не принять ученія Христа. Допустимъ, что примутъ, но исполнятъ-ли? Слѣдуя закону ума, будутъ исполнять заповѣди Христа, а подчиняясь закону плоти или грѣха исполнять не будутъ, т. е., будетъ то же, что было доселѣ и есть теперь. Можно, конечно, ожидать нравственного подъема въ народѣ и даже у всѣхъ христіанскихъ народовъ, но нельзя рассчитывать ни на какую-то необыкновенную, никогда небывалую высоту его, ни на продолжительность его. Можно, если угодно, мечтать о скоромъ и неизбѣжномъ водвореніи на землѣ рая, можно пускаться въ празднаго разглагольствія о томъ, что для достиженія этого желаннаго состоянія найдено вѣрное и дѣйствительное средство, вполнѣ падежный путь къ нему, можно улаждать себя пріятнымъ сознаніемъ, что именно *мы* открыли въ первый разъ это средство и показываемъ міру этотъ путь, можно хвастаться этимъ открытіемъ; но не слѣдуетъ терять изъ виду различія между фантастическимъ міромъ

сказокъ и дѣйствительною жизнью, между несбыточными мечтами и осуществимыми, серьезно задуманными планами, между пріятными разглагольствіями о томъ, какъ было бы хорошо, если бы молочныя рѣки текли въ кисельныхъ берегахъ, и оспованными на глубокомъ изученіи человѣческой природы и жизни скромными предположеніями о способахъ улучшенія и преобразованія жизни. Толстой вовсе не первый выступаетъ съ мечтой водворенія на землѣ рая. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ философъ Платонъ въ своемъ сочиненіи *Государство* создалъ полную теорію идеальнаго общества, построеннаго на социалистическихъ началахъ; но онъ имѣлъ на столько мудрости, чтобы не мечтать объ осуществленіи идеальнаго государства при своей жизни, или въ ближайшемъ будущемъ. Въ новѣйшее время Фурье и Сенъ Симонъ выступили съ подобными же проектами идеальнаго социалистическаго строя жизни, но, конечно, проекты такъ и остались проектами. Наконецъ, въ наши дни социалисты замышляютъ распредѣлить равномерно и правомѣрно трудъ и капиталъ между всѣми людьми и этимъ способомъ доставить всѣмъ и каждому благосостояніе и счастье. Чѣмъ кончится социалистическое движеніе нашего времени, не извѣстно; но пока оно производитъ только волненія, а въ будущемъ во всякомъ случаѣ не осуществитъ мечтаній о благосостояніи всѣхъ людей. Съ боязнію ожидаютъ, что социализмъ можетъ ниспровергнуть существующій строй жизни, и притомъ насильственно, посредствомъ ужаснаго кровопролитія. Но кто можетъ поручиться, что строй жизни, имѣющій возникнуть на развалинахъ современной цивилизаціи, будетъ лучше настоящихъ порядковъ? Да если бы онъ и оказался лучше теперешняго строя жизни, встаетъ про него должно будетъ сказать: это—цѣна крови. Не чуждый социалистической тенденціи, графъ Толстой отличается отъ социалистовъ тѣмъ, что онъ надѣется счастье человѣчества воздвигнуть не столько на уравненіи труда и капитала и вообще не на экономическомъ благосостояніи, а на осуществленіи всѣми людьми нравственнаго закона, на исполненіи всѣми людьми возвышенныхъ евангельскихъ заповѣдей, на усвоеніи всѣми людьми евангельскаго правоученія. Въ этомъ отношеніи ученіе графа Толстаго далеко возвышается надъ ученіемъ

соціалистовъ, которые забываютъ, что матеріальное благосостояніе даетъ человѣку счастье низкопробное, мало превышающее благополучіе животныхъ, когда ихъ хорошо кормятъ и не обременяютъ непосильной работой, что само матеріальное благосостояніе не можетъ быть прочнымъ, если оно не сопровождается добродѣтелью, что безъ добродѣтели оно располагаетъ человѣка къ изнѣженности, развращенію и одичанію, ускоряетъ вырожденіе и вымирание цѣлыхъ народовъ. Графъ Толстой своею энергическою и талантливою рѣчью о томъ, что человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, долженъ жить правдивно, а чтобы жить правдивно, долженъ исполнять евангельскія заповѣди, что жизнь по ученію міра, а не по ученію Христа, не достойна человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ, — принесъ много пользы. Но онъ напрасно обольщаетъ себя мыслию, будто ему первому выпала честь говорить это, а раньше или совсѣмъ не говорили объ этомъ, или и говорили, но не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ забываетъ, что проповѣдники и правоучители всѣхъ вѣковъ и во всѣхъ странахъ говорили то же самое. И проповѣдь ихъ, безъ сомнѣнія, не оставалась безъ добраго вліянія на людей. А святые самою своею жизнью, и, конечно, сильнѣе, чѣмъ словомъ, учили, что чрезъ исполненіе евангельскихъ заповѣдей человѣкъ достигаетъ и нравственнаго совершенства и высшаго счастья. Но никто изъ возвѣщавшихъ евангельскую истину и словомъ и дѣломъ не мнилъ, будто только онъ одинъ истинный провозвѣстникъ Евангелія. Еще меньше ктонибудь изъ нихъ мечталъ о томъ, что скоро, особенно благодаря его проповѣди, всѣ люди не только примутъ евангельскія заповѣди, но и будутъ исполнять ихъ. Укажемъ въ примѣръ даже на такихъ правоучителей, съ которыми равняться никто изъ людей не можетъ.

Чрезъ Моисея Богъ далъ законъ своему избранному народу. Именемъ Бога Моисей убѣждалъ народъ, что если онъ будетъ исполнять законъ, то будетъ за это пользоваться всѣми благами, а если будетъ нарушать его, то подвергнется всевозможнымъ бѣдствіямъ. Но Моисей отнюдь не обольщалъ себя надеждой, что весь народъ и во всѣ времена будетъ помнить его увѣщанія и будетъ неуклонно исполнять законъ Божій. Время показало, что народъ ев-

рейскій, какъ ни высоко онъ цѣнилъ своего славнаго вождя и освободителя отъ египетскаго рабства, своего великаго законодателя и пророка, говорившаго лицомъ къ лицу съ Богомъ, однако мало помнилъ его завѣты и дурно исполнялъ данный чрезъ него законъ Божій, и даже всенародныя бѣдствія, которыми обыкновенно сопровождалось нарушеніе основныхъ законовъ Божіихъ, не на долго ослабляли невѣріе и безнравственность народа. Впрочемъ Моисей все-таки былъ человѣкъ. Но вотъ пришелъ на землю Самъ Богъ во плоти человѣческой. Онъ принесъ не только законъ, и законъ совершеннѣйшій, Онъ принесъ людямъ свѣтъ и жизнь, благодать и истину (Іоан. 1, 1—18), далъ имъ въ Себѣ самомъ путь къ Богу (Іоан. 14, 6), просвѣтилъ ихъ Духомъ Святымъ (Іоан. 16, 13—15). Дѣйствительно, благодать и истина евангельскія широко распространились по землѣ, возродили человѣчество, просвѣтили народы, поставили ихъ на высоту недосягаемаго прежде правственнаго совершенства, возвысили и матеріальное благосостояніе ихъ, умножили на землѣ счастье и возвысили достоинство его, возвысили, какъ идеалы мысли и жизни, такъ и самую жизнь и мысль, дали наукамъ и искусствамъ, общественной и семейной жизни то важнѣйшее, чѣмъ они прежде были бѣдны, — идеалы не земной, а небесной жизни. Но въ то же время Богочеловѣкъ предупреждалъ своихъ послѣдователей, что міръ будетъ ненавидѣть ихъ и убивать и даже будетъ дѣлать это во имя Божіе, будетъ преслѣдовать ихъ за имя Его (Мѡ. 10, 22; Іоан. 15 и 16 гл.), что имъ придется пить чашу страданій, подобно Своему Учителю (Марк. 10, 38. 39), что Онъ принесъ на землю не миръ, а раздѣленіе, мечъ и огонь (Мѡ. 10, 34—40; Лук. 12, 49—53). Онъ ободрилъ ихъ только тѣмъ, что Его иго благо и Его бремя легко (Мѡ. 11, 30) и что за страданія за имя Его они получаютъ награду стократную въ этой жизни, а въ будущемъ вѣкѣ жизнь вѣчную (Марк. 10, 29—31; Мѡ. 10, 41. 42). Исторія христіанства въ теченіи всѣхъ девятнадцати вѣковъ оправдала эти предсказанія Іисуса Христа. А по другимъ предсказаніямъ Іисуса Христа и Апостоловъ предъ концомъ міра наступятъ времена тяжкія: страшныя бѣдствія будутъ поражать человѣчество и будетъ такая скорбь, какой не было отъ начала

міра и не будетъ; нравственное развращеніе людей достигнетъ наивысшей степени; умножатся лживыя ученія лжехристовъ и лжепророковъ; богоотступничество распространится столь широко, что Сынъ человѣческой, пришедши, найдетъ-ли вѣру на землѣ (Мѡ. 24 гл.; Марк. 13 гл.; Лук. 18, 1—8; 21, 9—36; 2 Тѣссал. 2 гл.; 1 Тим. 4, 1—3; 2 Тим. 3, 1—9; 4, 3. 4; и многія главы Апокалипсиса). Пужно ждать водворенія на землѣ не рая, а ада, царства діавола (Апок. 12, 12—17). Правда, концомъ нечестія человѣческаго рода будетъ преобразование теперешнихъ неба и земли посредствомъ огня, и затѣмъ явятся новое небо и новая земля, въ которыхъ живетъ правда (2 Петр. 3 гл.; Иса. 65, 17; 66, 22; Апок. 21, 1). Но такое преобразование будетъ дѣйствіемъ всемогущества Божія, а сами люди не могутъ достигнуть того, чтобы на землѣ обитала правда, не могутъ долину грѣха и плача превратить въ райскій садъ святости и ликующей радости. И графъ Толстой меньше, чѣмъ кто бы то ни было, можетъ надѣяться на водвореніе на землѣ святости и счастья. Опъ—пессимистъ; онъ находитъ много темныхъ и мало свѣтлыхъ сторонъ въ христіанствѣ прошедшихъ вѣковъ и настоящаго времени. Но если христіане до нашихъ дней въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ не жили ни такъ свято, ни такъ счастливо, какъ они могли бы и должны бы были жить, если, по суду графа Толстаго, они жили даже очень дурно и несчастно; то въ чемъ же порука, что отнынѣ они будутъ жить и свято и счастливо? Неужели въ ученіи Толстаго? Неужели его разъясненія смысла евангельскаго нравоученія, если бы даже они были во сто разъ превосходиѣе, чѣмъ каковы они теперь, могутъ произвести болѣе коренной переворотъ въ жизни человѣчества, чѣмъ какой произведенъ самимъ Евангеліемъ? Неужели послѣдователь Христа, кто бы онъ ни былъ, можетъ мечтать превзойти своего Учителя въ могущество и благотворности своего вліянія на человѣчество? *Раба не больше господина своего* (Іоан. 15, 20). Надежды Толстаго на то, что всѣ люди теперь же примутъ и исполнятъ евангельскія заповѣди,—наивность; его совѣты облегчить людямъ усвоеніе евангельскаго нравоученія чрезъ устраненіе евангельскаго вѣроученія или чрезъ признаніе его необязательности сви-

дѣлательствуютъ объ односторонности его религіозно-правственнаго міросозерцанія, о непониманіи и коренномъ извращеніи ученія Христа; наконецъ, его мечты о скоромъ наступленіи золотого вѣка, помимо своей несбыточности, противорѣчатъ его пессимистическому взгляду на людей, на жизнь и на само христіанство и Церковь, не согласуются съ его міросозерцаніемъ, мрачнымъ и не свободнымъ отъ разочарованія въ жизни, отъ унынія и какой-то растерянности. Міросозерцаніе графа Толстаго отражаетъ разнородныя вліянія, которымъ онъ подчинился, разнородныя ученія, которымъ онъ то сочувствовалъ, то не сочувствовалъ въ теченіи своей жизни, и потому оно не имѣетъ ни устойчивости и твердости, ни цѣлостности и единства. Оно похоже на платье, дурно скроенное, подвергавшееся въ разное время неудачнымъ передѣлкамъ и мѣстами покрытое разноцвѣтными заплатами.

А. Буляевъ.
